

После интервью с Вероникой Кастро — Марианной на автору и редакцию обрушился буквально шквал писем. И почти в каждом письме: хотим встретиться с Луисом Альберто — главным героем знаменитого мексиканского телесериала «Богатые тоже плачут», несравненным сеньором Сальватьеро. Исполнитель роли Луиса Альберто — Рохелио Герра во время своего недавнего визита в Россию согласился побеседовать с корреспондентом «Учительской газеты».

— Сеньор Рохелио, скажите честно: популярность вам не в тягость?

— Вы знаете, нет. Напротив, помогает и как бы мобилизует, даже тонизирует в какой-то степени. Доброе слово для актера, поверьте, незаменимый творческий витамин. Признаюсь, до «Богатых» я не был избалован популярностью и вниманием прессы. Наш телесериал посмотрели и продолжают смотреть (страшно представить!) сотни миллионов, а теперь уже миллиарды людей в разных странах мира. В США, Франции, Индии, Китае, Японии начали повторный показ, слышал, что и в России по многочисленным просьбам телезрителей наш фильм снова вскоре появится на телеэкранах. И везде — успех необычайный, прием — восторженный, неподдельный интерес всех без исключения слоев населения (без учета возраста и образования) к судьбам героев фильма, хотя сюжет, в общем-то, бесхитростный, житейский, бытовой.

Я лично получаю сотни писем в день, ответить на которые, естественно, нет никакой физической возможности, поэтому спасибо «Учительской газете»: может быть, с ее помощью удастся ответить на часть вопросов зрителей.

— О вашей популярности говорят не только письма, но и... как бы вам об этом сказать точнее, юмористические мини-рассказики, которые у нас зовутся анекдотами. После демонстрации фильма их появилось очень много — о Марианне и почему-то особенно — о Луисе Альберто.

— Знаете, если про актера рассказывают анекдоты или исполняют на него пародии (а группа «Комбинация» даже сочинила про Луиса Альберто прекрасную песню) — это значит, он небезразличен публике, скажу больше — популярен. Для нас, актеров, — это как бальзам на душу. Я, конечно же, не обижаясь на авторов анекдотов про пристрастия одного из персонажей фильма к спиртному. Только не надо меня, Рохелио Герра, отождествлять с моим героем. Здесь мы с ним — полные антиподы.

— Самое время прояснить ваше отношение к Бахусу.

— Я не поклонник этого древнеримского покровителя виноградарства и виноделия, но и не ханжа: от бокала хорошего вина по случаю не откажусь, как и любой нормальный человек.

— В телесериале ваш герой вызывает всеобщую любовь зрителей прежде всего потому, что он прекрасный отец — добрый, любящий, ласковый...

— Вот здесь устремления и взгляды моего героя и мои собственные совпадают полностью. Вообще в Луисе Альберто много человеческих качеств, присущих и мне. Я очень люблю детей и,

поверьте, нередко на съемках фильма забывал, что Марисабель — художественный образ, а не моя дочь: так искренне мне хотелось, чтобы судьба этой девочки, оставленной матерью в приюте, сложилась счастливо. С актрисой, игравшей Марисабель, у меня установились сердечные, добрые отношения, так что играть в отца не приходилось, все мизансцены были натуральными и естественными, как в жизни. Трагедию Марисабель я переживал, как имеющую ко мне непосредственное отношение. Руководствуясь системой великого Станиславского (я его поклонник), как бы проживал свою роль и, поверьте мне, не играл чужой текст. Может быть, поэтому мне и поверили люди. Знаете, обмануть можно одного, сто, тысячу человек, но миллионы на мякине не проведешь. Воздействие нашего фильма на людей во всем мире было таким сильным, таким мощным, что происходили совершенно невероятные случаи...

— Например?

— Ну то, что многие ярые поклонники Марианны, Мариса-

писала о резком скачке числа усыновлений и удочерений в Китае, Болгарии, США, Колумбии, Канаде после демонстрации там «Богатых...». Россия, уверен, тоже в стороне не осталась, ведь русская душа такая широкая и удивительно добрая: сам в этом убедился.

— В сотнях писем учителя и

Учит. газ. - 1993. - 2 марта - с. 24

Без женщин жить нельзя на свете... нет!

бель, Рамоны кинулись менять свои имена, вы, конечно, знаете...

— Да, были и весьма курьезные случаи, когда две почти 80-летние старушки из Подмосквы сменили свои имена: одна стала Марианной Никифоровной, а другая — Рамонной Степановной.

— Что женщины меняли имена, это понятно: эмоциональность, экзальтированность женской природы объясняет их действия, а вот то, что на подобное решаются мужчины... Ко мне лично подходили мои новоявленные «тезки» — Луисы Альберто, просто Луисы и просто Альберто из Москвы и Санкт-Петербурга, с Украины. А один чудак свою фамилию хотел поменять на Сальватьеро — увы, это не анекдот. Забавно, конечно, даже трагично, но, спрашивается, зачем? Никто, правда, пока не додумался взять имя Рохелио или фамилию Герра. И на том спасибо.

— Сеньор Герра, к обществу «поклонников Марианны» ныне прибавились не менее многочисленные объединения «поклонников Луиса Альберто». Фанаты собирают все, имеющее хоть малейшее отношение к Рохелио Герра и его герою по телесериалу, — фотографии, автографы, статьи из газет и журналов, плакаты, афиши, рекламы, сувениры, значки. Мы были, кстати, удивлены тем, что интервью с Марианной, опубликованное в конце 1992 года, пользовалось большим успехом у поклонников телесериала. На «черном» рынке (в переходах) газеты продавали аж по 100—150 рублей за номер.

— Но есть много примеров воздействия нашего фильма совсем иного плана. Мои друзья мне рассказали, что после какой-то там 69-й или 84-й серии молодые мамы, оставившие своих детей в приютах, забрали их оттуда. И такие случаи не единичны. Вот она, великая сила искусства. И если наш фильм помог хотя бы одному несчастному ребенку обрести семью, то, поверьте, ради этого стоит работать. Пресса

нередко малообразованной бабушки — ее изначальная любовь. И эта всепоглощающая любовь перевесит самые толстые трактаты о воспитании.

— Вы так профессионально, так интересно рассуждаете, что закралась мысль: а не заканчивали ли вы какое-нибудь педагогическое заведение? У нас многие педагоги по образованию занимаются совсем другими делами.

— Вынужден вас разочаровать, хотя считаю, что педагогика — наука для всех, и ею должны грамотно владеть люди любой профессии, а учителя — в первую очередь.

— Помните ли вы школу, своих учителей?

— А как же. Всем лучшим в жизни я обязан своим дорогим родителям и учителям. В одном из анекдотов про Луиса Альберто был вопрос: почему ты не ищешь меня в каком-нибудь музее? Это уж точно ко мне не относится. В детстве, юности меня можно было отыскать как раз именно в музее, в театре или на концерте. Родители приобщили меня к богатейшей мексиканской культуре и

истории. Слава Богу, в прекрасных музеях Мехико, Монтеррея, Гвадалахары, Акапулько есть столько интереснейших, ценнейших экспонатов, рассказывающих о культуре моей страны, что жизни не хватит, чтобы их изучить и осмыслить. С радостью отмечаю, что мексиканская молодежь с благоговением изучает культуру ацтеков, толтеков, майя — наших предков, достигших высочайшего уровня цивилизации: ученые высказывают гипотезы о полете в космос уже в те давние времена, о связях с внеземными цивилизациями с территории нынешней Мексики.

А разве когда-нибудь я забуду своего учителя языка и литературы? Столько лет прошло, а в памяти, как сейчас, его уроки-концерты, например, о поэтах, актерах, композиторах, трагически рано ушедших из жизни. Именно в школе я полюбил Андре Шенье, Джона Китса, Шелли, Байрона, Шуберта, Беллини, Грибедова, Гельдерлина... И в мир великого Льва Толстого ввел меня тоже школьный учитель.

— А не можете ли вы, сеньор Герра, хотя бы вкратце рассказать, как все-таки удавалось вашему учителю приохотить ребят к литературе? Может быть, у вашего педагога были какие-то свои секреты?

— Секрет был, как мне сейчас кажется, один: заинтересовать учеников личностью писателя, вызвать у них желание познакомиться с его произведениями. Вот и вся премудрость. Помню первую встречу с Львом Толстым, разумеется, на уроке. Учитель рассказал, как к великому писателю, автору «Войны и мира», приехали в Ясную Поляну его зарубежные коллеги и были поражены его неказистой внешностью. Но вдруг кровь останавливается в жилах взглянувшего на него. Точно пантера, из-под густых джунглей бровей бросается на вас взгляд серых глаз... Как удар ножом, этот взгляд сковывает каждого. Нет сил шевельнуться, нет мочи укрыться от него, каждый, точно под гипнозом, должен терпеть, пока этот любопытный, причиняющий боль взор, как зонд, не пронзит вас до

сокровенных глубин... Вот такое своеобразное введение в Толстого побудило нас сначала прочитать превосходное эссе Стефана Цвейга о Л. Толстом, а потом и его произведения...

Наш учитель мог заинтересовать своим предметом самого нерадивого. Вот тут у него уж точно были свои, особые приемы. Зная, например, тягу юношей к личностям, сильным не только духом, но и телом, учитель подбирал такие факты из жизни писателя, которые восхищали и запоминались. О том же Льве Толстом мы узнали, что он обладал не только гибким умом, интеллектом, но и медвежьей силой: лежа на полу, молодой Толстой одной рукой поднимал на весу тяжелого солдата. Сколько лет прошло, а факт этот помнится.

— Сеньор Рохелио, как вам удалось так быстро освоить русский язык, даже исполнять отдельные куплеты песен на русском?

— Это получилось как-то само собой. Я давно мечтал попасть в Россию, и если бы не «Богатые...», моя мечта, по-видимому, осталась бы неосуществленной. Перед поездкой немного готовился, учил слова, пробовал читать стихи русских поэтов в подлиннике: хотелось подарить своим слушателям несколько популярных русских песен. Нелегкое это дело — русский язык, орешек, ох, какой крепкий, и вы сильно преувеличиваете мои успехи в русском. Кстати, мне очень понравилось стихотворение Некрасова «Тройка», а особенно вот эти строки:

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой,
смотрит бойко лукавый глазок.

— Вот вы сами, дорогой Рохелио, и подвели нас к письмам ваших многочисленных поклонниц — женщин, которых взгляд ваших серых глаз в фильме (как взгляд Льва Толстого) буквально приковывал в течение года к телеэкранам.

— Я безмерно благодарен всем своим поклонникам и особенно поклонницам за их трогательные признания, за внимание к нашему, пусть сентиментальному, но, в общем-то, доброму фильму. Главное, что мы поняли друг друга и стали друзьями. Я их всех хочу горячо и нежно обнять, прижать к своему сердцу, отдать им частичку своего тепла, пожелать всего того, что они мне желают, но только в еще больших размерах (сообразно с масштабами вашей страны).

Я далеко не Казанова, для которого, кроме плотских наслаждений, не существовало никаких обязательств, а такие понятия, как долг, честь, совесть, верность, были неведомы этому блистательному шарлатану и ловеласу мирового масштаба. Нет, я не Казанова, я другой: верный, преданный муж и любящий отец, но тем не менее категорически согласен, что без женщин, как поется в популярной и любимой во всем мире оперетте, «жить нельзя на свете... нет!» — Потому что «в них солнце, счастье и любви рассвет». Спасибо всем за теплые, даже горячие письма ко мне, полные любви, признаний, откровений. Я буду с удовольствием читать их и черпать силы для новых творческих свершений.

Беседу вел
Лев КРАСНОВСКИЙ